

“Но в сердце не скудеет нежность...”

(светлой памяти Е.А.Маймина)

3 января 1997 года скончался Евгений Александрович Маймин, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Псковского государственного педагогического института им. С.М.Кирова, заслуженный деятель науки Российской Федерации, действительный член Академии гуманитарных наук РФ, крупнейший филолог нашего времени.

Многие и многие люди - не только в Пскове, и даже не только в России, но всюду, где звучало его живое, устное и письменное, слово, восприняли смерть Евгения Александровича как утрату воплощенных всем его обликом нравственной меры, душевного благородства, чувства человеческого достоинства. Независимо от степени осознанности профессиональных качеств этого замечательного человека, все, кто так или иначе соприкасался с ним, ощущали нравственный свет (если воспользоваться формулой почитаемой им культуры сентиментализма), исходящий от личности Евгения Александровича, чувствовали, что в ней заключен “вечно бьющий родник” любви, как определил это свойство души Н.В.Гоголь.

Понятие “школы” Е.А.Маймина шире, чем собственно научное, хотя оно вбирает в себя и определенные научно-методологические принципы, рожденные эпохой второй половины 1950-1980-х годов, когда в науке, не без труда, вновь возрождалось русское Просвещение в самом широком и емком смысле этого слова. Не случайно одной из наиболее любимых читателями книг Евгения Александровича “Пушкин. Жизнь и творчество” (М.: Наука, 1981) предпослано такое авторское предуведомление: “Эта книга не монография, и в ней читатель не найдет монографической обстоятельности... Ее задача - представить самый общий взгляд на Пушкина, на его творчество, на его личность... Для лучшего понимания поэта и его творчества такой подход тоже необходим. Недаром Белинский писал: “Прежде всего, нужен взгляд общий не на отдельные пьесы, а на всю поэзию Пушкина, как на особый и целый мир творчества” (С. 3).

“Школа” Е.А.Маймина - прежде всего, явление этического порядка, что непосредственно испытал на себе каждый, кто читал его книги, слушал лекции и имел счастливую возможность личного общения с Евгением Александровичем - в беседах, на дружеских прогулках, в его гостеприимном светлом доме, где всегда искренне радовались каждому, кто переступал его порог.

Кафедра литературы училась у Евгения Александровича видеть в эстетике “науку о прекрасном” постоянно, изо дня в день - на протяжении почти сорокалетней близости с ним - постигая, исходя из этого, сложные литературоведческие категории и созидая “прекрасное” в самих себе в процессе этого трудного возвышающегося постижения.

Среди многочисленных, наполненных нравственным светом специальных литературоведческих представлений, которые не только разъяснял, но и как бы воспитывал в своих учениках Евгений Александрович, можно выделить несколько, особенно дорогих ему и особенно “трогательных” для тех, кто имел невозвратимое счастье познать их вместе с ним. Это понятия “маленького человека” (на самом деле, великого в самом своем унижении), “нравственного прозрения” - в творчестве позднего Толстого (в бесценный фонд науки входит статья Е.А.Маймина и Н.К.Гудзия о романе “Воскресение”, опубликованная в серии “Литературные памятники”), понятие вдруг наступающего для человека духовного “выпрямления”, в содержательность которого входит “печаль о не своем горе” (“Выпрямил” Г.И.Успенского), образ “идеального человека”, подобного Христу, посреди далеко не совершенного мира (князь Мышкин в романе Ф.М.Достоевского “Идиот”), наконец, нравственный пафос клятвы молодой России на могиле Илюшечки Снегирева в другом романе писателя - “Братья Карамазовы”.

С полной ответственностью можно сказать, что все это осталось в людях, и тут смерть бессильна что-либо изменить, поскольку живы книги: “Опыты литературного анализа” (М., 1975), “Русская философская поэзия: Поэты-любомудры, А.С.Пушкин, Ф.И.Тютчев” (М., 1976), “Лев Толстой. Путь писателя” (М., 1978) и ряд других.

При мысли о жизни и безвременной кончине Евгения Александровича в сознании невольно возникают строки стихотворения Ф.И.Тютчева, особенно им любимого. Теперь они звучат как посмертное признание в любви ему самому:

Сияй, сияй, прощальный свет
Любви последней, зари вечерней!

Н.Л.Вершинина, зав. кафедрой литературы
Псковского государственного пединститута
им. С.М.Кирова.